

ББК 67.515

Ф 42

Одобрено

редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Ответственный за выпуск *И. С. Нестеренко*

Редакционная коллегия:

С. Г. Черников, А. А. Таганова, И. С. Нестеренко, А. И. Тузов, С. А. Павлова.

Феноменология и профилактика девиантного поведения : материалы V Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, 17–18 ноября 2011 г. / редкол.: С. Г. Черников, А. А. Таганова, И. С. Нестеренко, А. И. Тузов, С. А. Павлова. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2011. – 268 с.

ISBN 978-5-9266-0398-6

В сборнике представлены статьи участников V Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Феноменология и профилактика девиантного поведения», в которых обсуждаются наиболее актуальные проблемы девиантологии.

ББК 67.515

ISBN 978-5-9266-0398-6

© Краснодарский университет
МВД России, 2011

ниям еще достаточно высока. Кроме того, сохраняется характерная для кризисного состояния пластичность личностных структур, необходимая для подобной перестройки.

Таким образом, подготавливается переход к третьему этапу кризисной терапии – повышения докризисного уровня адаптации. Этот этап наступает тогда, когда решение кризисной проблемы требует расширения адаптационных возможностей индивида. Первый этап коррекции, на наш взгляд, суицидальный студент должен проходить в индивидуальной форме. Третий же этап целесообразно проводить, интегрируя студентов с истинным суицидальным поведением в группу сверстников, состоящую из лиц с импульсивным парасуицидальным поведением, но без явных суицидальных тенденций.

Тренинг навыков адаптации начинается после того, как студенты приняли определенное решение об изменении своей жизненной позиции. Основными коррекционными методами здесь являются: коммуникативный тренинг с использованием метафор для проблематизации дискуссий, ролевой тренинг, методы саморегуляции.

На заключительном этапе работы суммируются достижения студента, составляются реалистические планы на будущее и обсуждается, каким образом опыт выхода из кризиса может помочь ему в преодолении будущих жизненных трудностей. Определяется потребность в долговременной консультативной помощи и, в случае необходимости, проводится мотивация к ее проведению.

Библиографический список

- 1.Ефремов В.С. Основы суицидологии. - СПб.: Диалект, 2004.
- 2.Зотов М.В. Суицидальное поведение: механизмы развития, диагностика, коррекция. - М.: ВПЦ РАН, 2006.
- 3.Моховиков А.Н., Розанов В.А., Стилиха Р. Профилактика самоубийств. Краткое руководство по суицидологии для работников пенитенциарной системы. – Одесса, 2001.
- 4.Старшенбаум Г. В. Суицидология и кризисная психотерапия. – М.: Когито-Центр, 2005.

ДЕВИАНТОЛОГИЯ В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КАРТОГРАФИИ

Волков Евгений Новомирович

(Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики» –
Нижний Новгород)

e-mail: volken@mail.ru

Я уже заявлял о себе здесь как о стороннике последовательного критического мышления и критического дискурса в науке – и не только в ней. Эта приверженность со временем только укрепляется благодаря тем результатам в научной и преподавательской деятельности, которые за последние годы я смог получить именно в связи с применением принципов критического рационализма [1] и нацеленностью на поиск ошибок и несовершенств мешающих решать насущные проблемы. Я практически ежедневно убеждаюсь в удивительной конструктивности стратегии, побуждающей к избеганию строительства безосновательных песочных маниловских мостов к «гарантированному и вечному» успеху хоть в какой области и требующей прежде всего перерабатывать мусорные свалки ошибок и недочетов, которых как раз зарыты и залежи ценнейших знаний, и надёжные тропинки к желанным достижимым целям.

Во исполнение указанной стратегии я предполагаю в данном докладе сначала представить результаты критического анализа и девиантологии, и всей сферы социальных практик, связанной с профилактикой и коррекцией девиаций, а во второй части показать возможности конструктивной переработки выявленных провалов, пробелов и неустойчивостей. В итоге я хочу предложить целостную и последовательную программу

образовательных, исследовательских и прикладных инноваций, которая способна, на мой взгляд, существенно продвинуть в научном и практическом отношениях как собственно дисциплину под названием «девиантология», так и контрдевиантную профилактическую и коррекционную сферы деятельности.

Программа эта выросла во многом из критически-исследовательского вопроса, давно меня занимающего: нет ли таких отраслей и видов человеческой деятельности, которые существенно лучше устроены и более продуктивны, чем девиантология и другие социальные дисциплины, в плане организации и добывания знаний и их практического полезного применения?

Обычно, когда говорят о главных движущих силах науки, о мотивах подвижничества и упорства учёных, то называют лишь два человеческих желания: любопытство (узнать, как что устроено) и стремление к решению проблем (узнать, как справиться с бедами и нестроениями). Гораздо реже, на мой взгляд, обращают внимание на третий равной силы мотив: стремление к новой игрушке (как сделать новую игрушку, какой до сих пор не было). Этот последний мотив, правда, является двигателем не столько науки, сколько инженерии, которая занята разнообразной утилизацией продуктов первых двух мотивов.

Совсем мало внимания, как мне представляется, уделяют тем выгодам и перспективам, которые деятельность по изобретению новых игрушек может предоставить в помощь удовлетворению любопытства и повышению эффективности решения проблем. Заимствование опыта и методов инженерии имеет особое значение для социогуманитарной деятельности, выглядящей всё более проигрышно на фоне непрерывно увеличивающегося потока современных технических «игрушек», занимающих почти всё время и все интересы всё большей части населения.

Ответ на поставленный выше вопрос, таким образом, напрашивается сам собой: есть такие отрасли – естественные науки и техническая инженерия. Их достижения, степень организованности и практической отдачи слишком очевидны, чтобы и дальше продолжать делать вид, будто социальным наукам и социальной «реформирующе-изобретающей» практике нечему у них учиться и нечего заимствовать. С указанными отраслями в моём представлении тесно связаны концепции социальной инженерии и социальной картографии (социальных «чертежей»), через призму которых я в последнее время рассматриваю все направления социогуманитарной деятельности, входящие в круг моей профессиональной компетенции [2; 3].

В этом месте обычно возникают традиционные возражения про принципиальные различия объектов изучения, воздействия и преобразования: неодушевлённый мир («мир 1» по К. Попперу [4, 70-73; 5, 108-186, 282-285]) у естественных наук и технической инженерии и одушевлённый социальный мир групп и индивидов («мир 2» по К. Попперу) у социогуманитарной науки и практики, в силу чего, якобы, должны существенно различаться и методы мышления и поведения специалистов в соответствующих областях (в попперовском «мире 3» они пока действительно представляют из себя два разных и далёких друг от друга «континента»). Подобное «аргументы» нельзя назвать ничем иным, кроме как глубочайшим недоразумением (вчитайтесь в последнее великолепное русское слово).

Общепринципиальные научные и инженерные методы не могут зависеть от объекта исследования, поскольку они трактуют не свойства того или иного объекта, а только и исключительно организуют мышление и поведение человека в его взаимодействии с объективным миром, включающим *все* возможные объекты. Сложившиеся различия в организации исследовательской и прикладной деятельности в естественно-технической и социогуманитарной областях носят в основном культурно-исторический характер и не имеют серьёзного научного подкрепления. Имеющиеся же попытки обоснования таких различий больше напоминают рационализацию, чем рациональные объяснения.

Есть только одна существенная объективная причина столь явного разрыва двух указанных областей человеческой деятельности, действительно связанная с характеристиками объектов. Точнее сказать, она связана с различиями взаимодействия между человеком и этими объектами.

Неодушевлённым объектам нет никакого дела до социальных свойств и многообразия интеллектуальных заблуждений, присущих людям. Последним же для получения выгод камней, химер и железок требуется строго определённый набор действий, которыми обойдёшь и не обманешь, на волшебную палочку не обопрёшься. Люди (на самом деле вольно небольшая часть людей) либо умудряются добыть знания об этих объектах и придумать им полезное применение для своей жизни, либо терпят до поры до времени неудачу. Вы либо знаете, как добыть из руды металл, и умеете затем отлить или вырезать из него массу вами же придуманных вещей и правильно их соединить в инструменты и механизмы, либо нет, – в последнем случае вы живёте в землянке или шалаше и питаетесь от случая к случаю тем, что дарит туземцу природа.

В области социальной деятельности и социальных наук человек имеет дело с самими собой, со своими желаниями и нежеланиями, иллюзиями, заблуждениями, индивидуальными и групповыми интересами. В результате создаётся то, что вполне можно назвать «коррупционной составляющей» применительно к указанной сфере. Ведь что такое «коррупция»? «Коррупция (от лат. corrumpere – «растлевать») – термин, обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам» [6]. В социальных науках и в их практическом применении (или неприменении) к конструированию социальных изменений и новаций как раз и наблюдается использование людьми, – исследователями и социальными деятелями (политиками, чиновниками, специалистами), – своих возможностей интерпретации и модификации (чаще всего игнорирования) социальных знаний и технологий в целях личной выгоды, противоречащее научным принципам и условиям эффективного решения проблем.

Главным коррупционным обстоятельством в социогуманитарной научной и прикладной деятельности оказывается сам человек, поскольку он одновременно оказывается и заказчиком, и исполнителем, да ещё и самим объектом, каковое сочетание в любой сфере способно создать непреодолимые растлевающие соблазны. Данная ситуация и ведёт к колоссальному разрыву в продуктивности и эффективности между естественно-технической и социогуманитарной отраслями производства и применения научных знаний, что в полной мере касается девиантологии, и социологии, и любой другой социальной дисциплины и всех видов их практического применения. Разрыв этот, стоит отметить, в значительной степени связан именно с инженерным этапом применения знаний, поскольку социальные знания очень часто либо не используются или используются очень однобоко и в интересах лишь отдельных групп.

Такое положение дел не имеет смысла рассматривать с точки зрения конспирологии, тогда как анализ осознанных или неосознанных интересов определённых социальных групп фактически препятствующим созданию благоприятных условий для ликвидации указанного разрыва, может быть весьма полезным. Соответствующие сюжеты хорошо описаны Штейнзальцем и А. Функенштейном в книге с говорящим названием «Социология незнания» [7], но стоит заметить, что авторы касаются проблемы распределения и использования знания/незнания лишь как орудия власти, но не сравнивают судьбу и практическое применение разных видов знания. Интересные данные о влиянии тех или иных социальных групп на развитие или торможение отдельных секторов социального знания могло бы дать, например, сравнительное исследование финансовых потоков, подпитывающих разработчиков и агентов манипулятивных социально-психологических технологий, с одной стороны, и перепалки на антиманипулятивные разработки, с другой.

Ещё одним и, возможно, основным тормозом на пути существенного повышения технологичности и инновационной продуктивности («инженерности») социальных дисциплин является обыкновенное человеческое несовершенство, которое особенно всесильно, если в каких-либо объективных обстоятельствах и субъективных желаний, понуждающих к поиску инноваций и реальной эффективности, а источники удовлетворительного пропитания и достойного терпимого проживания стабильно имеются в наличии. В такой констатации нет ничего нового или оскорбительного, если мы хотим по-профессиональному честно принимать

приятные гипотезы о самих себе, раз эти гипотезы вполне правдоподобны и подкрепляются громадным количеством неумолимых фактов. Просто мы люди, а не металл или пластик, и главные наше слабые места весьма человечны – наша ограниченность, инерционность, боязнь ошибок и критики, боязнь изменений и новизны.

Если в мире техники неодушевлённые вещи не оставляют людям на пути к успеху никакого другого выбора, кроме адекватной организации мышления и деятельности, то в мире людей единственной организующей силой является мышление и добровольная алгоритмизация поведенческих актов самих же людей. Инженерного подхода и продуктивной инженерной деятельности в социальных науках нет не по независящим от людей обстоятельствам, а лишь по их собственному недомыслию, из-за которого многие до сих пор не могут понять, что вся социальная жизнь – это в определённом смысле тотальная и непрерывная инженерия (конструирование), т. е. человек = инженер (конструктор). От признания этого хорошо установленного научного факта до признания осознанной социальной инженерии – один шаг.

Да, любой человек – это неосознанный, неумелый, необученный и весьма бестолковый инженер самого себя и своей социальной среды уже по факту рождения. Ведь на какое явление мы наклеиваем ярлык «инженерия»? «Инженерное дело, инженерия (от фр. *ingenierie*, также инжиниринг от англ. *engineering*, исходно от лат. *ingenium* – изобретательность; выдумка; знания, искусный) – область человеческой интеллектуальной деятельности, дисциплина, профессия, задачей которой является применение достижений науки, техники, использование законов и природных ресурсов для решения конкретных проблем, целей и задач человечества» [8]. А что нам говорят фундаментальные социальные концепции о человеке? «...Человек конструирует свою собственную природу или, проще говоря, что человек создает самого себя» [9, 83], «человек должен сам классифицировать свои влечения и управлять ими» [9, 89].

Мы мало задумываемся о глубоких параллелях между инженерией в узком техническом смысле и «социальным конструированием реальности» [9], но если специалисты по социальному миру желают хоть в какой-то степени приблизиться к уровню успешности и продуктивности технико-индустриальной сферы, то настала пора всерьёз обратить на это внимание.

Те или иные науки и виды деятельности ровно таковы, какими их делает человек, и если одни науки и практики весьма плодотворны и прагматически успешны, а другие – нет, то и достижения первых, и прозябание последних полностью является творением человека, а не следствием магической «помощи» или столь же магической «несговорчивости» объектов, которые подвергаются исследованию и попыткам преобразующего воздействия.

Понимание вышеизложенного логично ведёт к ясному представлению о том, что и как нужно изменять в научной и прикладной деятельности в социогуманитарной сфере, если мы действительно хотим выстроить высокоэффективную, на уровне лучших человеческих возможностей и умений, систему постепенного улучшающего реформирования общества, а не ставаться на уровне хаотических наблюдений-констатаций в буддистском любовании своей обшественной непредсказуемостью, неуправляемостью и неорганизованностью.

Самое первое, что нужно сделать, – признать всю силу и все права инженерного подхода в социальных дисциплинах и социальном реформировании. И не только признать, но и ачать последовательно выводить социоинженерную деятельность на уровень организации, нструментальной вооружённости и конструктивной продуктивности в прикладном применении социальных знаний, который стал бы приближаться к уровню современных НИОКР в хнической индустрии.

Подобная инновация в прикладной деятельности потребует соответствующих изменений в организации, методологии и методах научных социальных исследований, своего рода «инженеризации» социальных наук.

Содержание и принципы «инженерности» применительно к социальным наукам и социальным реформам требуют ещё дополнительной разработки, уточнения и развития, одна, на мой взгляд, уже сейчас просматривается один инструмент, который имеет решающее ачение для реализации поставленной задачи. Я имею в виду социальную картографию,

применение концепт-картирования в качестве наиболее адекватного социоинженерного языка, каковую роль в технической инженерии играют чертежи, схемы и модели. Если, кстати, и в медицине есть подробнейшие атласы всех органов и срезов человеческого тела, то можем ли мы предъявить столь же подробное отношение человека как социального существа и социума в целом?

Мы не наблюдаем, к глубокому сожалению, даже робких подходов к пониманию необходимости таких проектов и такой формы фиксации и развития социогуманитарного научного и социоинженерного знания. Ещё два года назад я делал здесь же доклад о возможностях частного применения метода картирования в девиантологии [10], но сейчас потенциал этого метода и этого языка представляется мне совсем в другом свете.

Социальная картография вполне способна стать основным и универсальным языком социальных наук и социальной инженерии и одновременно новаторской и организующе-структурирующей «материей» попперовского мира 3, мира «продуктов человеческого духа, в частности мир человеческого языка: наших рассказов, наших мифов, наших объяснительных теорий, наших технологий, наших биологических и медицинских теорий» [4, 71].

Метод и программные инструменты концепт-картирования разрабатываются и применяются уже достаточно давно, прежде всего применительно к разработке искусственного интеллекта, семантических сетей и различных баз знаний, а также (за пределами России) в образовании и менеджменте [11]. *Насколько я могу судить, никто пока не увидел в этом инструменте социочертёжное и социоинженерное применение с перспективой становления в качестве универсального языка науки, образования и социальной практики.* Такие перспективы отчётливо просматриваются, если учесть хотя бы самые основные преимущества социальной картографии перед господствующим пока в социогуманитарной области линейным текстом:

1. Широчайшая сфера применения – все случаи коммуникации и когнитивной деятельности.
2. Эффективное средство ликвидации информационного потока (свалки).
3. Наглядность.
4. Когнитивная интеграция визуальных методов, логических связей и социальных отношений и интерпретаций.
5. Экономность.
6. Удобство.
7. Гибкость.
8. Комбинаторность (трансформируемость).
9. Масштабируемость.
10. Конструктивность (лёгкая конструируемость).
11. Максимальное когнитивное и структурное соответствие формы, содержания и восприятия.
12. Целостное и одновременно структурированное отображение систем, объектов, явлений, процессов, теорий, представлений, интерпретаций и верований.
13. Экономная, эффективная и целенаправленная организация знаний и работы с ними.
14. Облегчение и ускорение практического применения знаний.
15. Существенное улучшение и облегчение коммуникации и понимания.
16. Обеспечение ясности, однозначности, возможности стандартизации и улучшение контроля во многих аспектах.
17. Обеспечение инструментально-технологического уровня социальных наук и социальной деятельности, сопоставимого с уровнем современных высокотехнологичных отраслей.
18. Более адекватные и эффективные презентационные возможности.

Язык и метод концептуально-моделирующей картографии в современных условиях получил сильнейшее подкрепление в виде компьютерных устройств и многофункционального программного обеспечения, например, в виде «Среды визуального осмысления» (Visual Understanding Environment) [12], так что единственным барьером на пути его триумфов остаётся

ерционность, негибкость сознания и привычек социогуманитарных специалистов и их «инженерные» традиции.

Если когда-то давным-давно один римский сенатор начинал и заканчивал все свои речи изывом «Карфаген должен быть разрушен!» (и таки добился своего), то сегодня я готов в раздо более конструктивном и мирном духе ежедневно на каждом углу твердить: «Социальная инженерия и социальная картография должны быть созданы! Это единственная перспектива развития и процветания социальных наук и социальной реформаторской деятельности». Я готов повторять эти слова ещё тысячи раз, чтобы началось хоть какое-то движение в указанном направлении.

Обращаюсь к слушающим и читающим меня коллегам: давайте начнём хоть на маленьком участке и хоть к чему-то посильному приложим по-настоящему и полностью выстроенную систему социоинженерных методов и картографических инструментов. Для меня теперь более интересной и актуальной задачи на много лет вперёд.

В заявленном проекте меня вдохновляет образ феноменального творения испанского архитектора Гауди – собор Sagrada Familia в Барселоне, увиденный мною воочию летом этого года, сложнейшая и многоэлементная конструкция которого в течение нескольких десятилетий строится на одних пожертвованиях, но уже приобретает законченные черты всемирного шедевра. Для меня это единый символ и свободной творческой фантазии, и точнейшего инженерного расчёта, и великолепной проектной организации, и человеческой самоорганизации, настойчивости и терпеливости. Хотелось бы дожить до такого времени, когда мы научимся так же хорошо проектировать и строить конструкции более лучшего общества, а не только грандиозные памятники неверию в самих себя.

Библиографический список

1. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
2. Волков Е. Н. Консультирование и психотерапия как социальная инженерия // *Здоров'я нації – ХХІ сторіччя. Неврологія. Психіатрія. Психотерапія.* № 2 (17), июнь 2011. – С. 66-67.
3. Волков Е. Н. Консультирование и психотерапия как социальная инженерия, часть 2: картографическая объективация элементов и технологий консультирования // *Здоров'я нації – ХХІ сторіччя. Неврологія. Психіатрія. Психотерапія.* № 3, сентябрь 2011. – В печати.
4. Поппер К. Эволюционная эпистемология // *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики.* – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
5. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
6. Коррупция. – Википедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki/00%9A%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F>
7. Штейнзальц А., Функенштейн А. Социология невежества. – М.: Институт изучения социализма в СНГ, 1997.
8. Инженерное дело. – Википедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F>
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995.
10. Волков Е. Н. Картирование теорий девиации и когнитивное картирование девиантного поведения: методологические подходы и методические требования // *Феноменология профилактики девиантного поведения: материалы III Всерос. научн.-практ. конф., 29-30 2009 г.* – Краснодар: Краснодарский университета МВД России, 2009. – С. 38-42.
11. Novak, J. D., & Canas, A. J. The Theory Underlying Concept Maps and How to Construct and Use Them. Technical Report, IHMC CmapTools, 2006-01. Rev. 01-2008. – Florida Institute for Human and Machine Cognition, 2008.
12. The Visual Understanding Environment (VUE) – <http://vue.tufts.edu> (дата обращения: 02.02.2011).